

A woman with long brown hair, wearing a brown dress, stands with her back to the camera on a dirt path in a dense, misty forest. The trees are tall and thin, with a blueish-green tint to the scene. The ground is covered in moss and ferns.

Александр Восьмой

СКАЗКА
Серебряный лес
(Даффи Толстяк)

Александр Восьмой

**СКАЗКА Серебряный
лес (Даффи Толстяк)**

«Автор»

2026

Восьмой А.

СКАЗКА Серебряный лес (Даффи Толстяк) / А. Восьмой —
«Автор», 2026

В Серебряном Лесу деревья помнят каждое сказанное слово, а тени умеют шептать пророчества. Юная хранительница леса должна разгадать древнее проклятие, пока рассвет не стёр из мира все сказки. Атмосферное путешествие сквозь тайны, где каждый шаг отзывается эхом в веках.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

СКАЗКА Серебряный лес (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Первый шёпот»

Луна висела над Серебряным Лесом, словно серебряная монета, забытая кем-то на краю неба. Её свет не просто освещал тропы — он ложился на землю тонкой, почти невесомой вуалью, и в этой вуали всё казалось одновременно знакомым и чужим: знакомые деревья будто чуть наклонялись вперёд, прислушиваясь, знакомые кусты шелестели не от ветра, а от чего-то иного — будто от слов, которые никто не произносил вслух.

Мира шла по тропинке, привычно касаясь ладонью шершавой коры. Для неё лес был не просто местом — он был собеседником. Каждое дерево хранило сказанное когда-то слово, каждый корень помнил шаги, каждый листок знал шёпот. И потому Мира всегда прислушивалась не только к звукам, но и к тишине между ними.

В тот вечер тишина была другой.

Она не была пустой. Она была... напряжённой, будто в ней копилось что-то, готовое вот-вот сорваться с невидимых губ. Мира остановилась, прижала пальцы к стволу старого вяза и закрыла глаза. И тогда она услышала это.

Не просто шёпот — её имя.

«Мира...»

Оно прозвучало не из чих-то уст, не из-за куста, не с ветки. Оно родилось прямо в воздухе, как будто сама тень прошептала его, сложив из темноты и лунного света. Мира резко распахнула глаза, огляделась, но вокруг никого не было. Только деревья, только лунный свет, только тишина, которая теперь казалась живой.

«Мира...» — снова, чуть громче, будто тень проверяла, слышит ли она.

Мира попятилась, прижимая к груди корзинку с травами, и тут взгляд её упал на опушку. Там, на границе света и тьмы, лежал серебряный лист — один из тех, что росли только на Древе Памяти, самом древнем в лесу. Лист был сломан, будто кто-то наступил на него, не понимая, что делает. Серебристая поверхность треснула, и из трещины сочилось не сок, а слабый, мерцающий свет, похожий на угасающее эхо.

Сердце Миры сжалось. Сломанный серебряный лист... Это был знак. Древний, страшный знак, о котором старшие говорили шёпотом, чтобы даже стены не услышали. Он означал, что древнее проклятие пробуждается.

По легенде, когда-то давно один человек произнёс слово в гневе, не думая о том, что слова в Серебряном Лесу не исчезают. Слово это впиталось в землю, в корни, в тени, и со временем превратилось в проклятие, которое ждало своего часа. И теперь, если не успеть разгадать его до рассвета, сказки начнут исчезать одна за другой, растворяясь в свете дня, как туман под солнцем.

Мира знала: нужно бежать к старшим, рассказать, показать лист. Они знают древние слова, они знают, как удержать тьму. Но ноги будто приросли к земле. Потому что в тот момент, когда она увидела сломанный лист, тень снова прошептала:

«Только ты...»

И Мира поняла: если она позовёт старших, проклятие начнёт действовать раньше, чем они успеют что-либо сделать. Оно питается страхом, питается суетой, питается чужими головами. А если она пойдёт одна, если попробует разгадать тайну сама, у неё будет шанс — хоть и крошечный, как искра в темноте.

Она наклонилась, осторожно подняла сломанный лист. Он был холодным, как лёд, и тёплым, как воспоминание, одновременно. Свет из трещины коснулся её пальцев, и на мгновение Мире показалось, что она слышит не одно слово, а тысячи — шёпот всех историй, которые когда-либо звучали в этом лесу. И среди них — одну фразу, которую она не могла разобрать, но которая отзывалась в груди острой, звенящей болью.

«Я сделаю это сама», — подумала Мира, сжимая лист в ладони.

Тропа впереди терялась в сумраке, и тени будто расступались перед ней, приглашая вглубь леса, туда, где деревья помнят всё, а тишина говорит громче крика. Луна скользнула за облако, и лес на мгновение погрузился в темноту, в которой каждый шёпот звучал как пророчество.

И Мира шагнула вперёд.

Глава 2. «Язык корней и теней»

Тропа, по которой шла Мира, будто сама выбирала путь: она то прижималась к склонам, где мох лежал, как седая шерсть, то ныряла в узкие проходы между стволами, где воздух был густым от запахов прелой листвы и смолы. С каждым шагом лес становился не просто знакомым — он словно узнавал её. Ветви чуть склонялись, будто кивали, а тени, прежде робкие, теперь тянулись к её ногам, словно хотели что-то подсказать.

Но чем ближе Мира подходила к центру леса, тем тише становилось вокруг. Не той мёртвой тишиной, когда всё замирает от страха, а глубокой, внимательной тишиной — такой, какая бывает перед откровением. Даже ветер, обычно шебуршащий в кронах, будто затаил дыхание.

Старейший дуб стоял на круглой поляне, окружённый кольцом из камней, покрытых древними рунами. Его ствол был шире, чем три человека, обнявшиеся за плечи, а кора — в морщинах, похожих на складки времени. Говорили, что этот дуб помнит не отдельные слова, а целые эпохи: он слышал, как шептали первые люди, как пели птицы до того, как научились бояться, как звенели звёзды, когда мир был ещё совсем юным.

Мира остановилась у подножия, чувствуя, как земля под ногами слегка вибрирует, будто в такт чьему-то огромному, неторопливому сердцу. Она знала правило: чтобы услышать Хранителя Слов, нужно вспомнить самое искреннее обещание, когда-либо данное в лесу. Не клятву, не громкое слово, а тихое, от которого сжималось сердце и которое она держала даже тогда, когда никто не видел.

Она закрыла глаза и вернулась в тот день, когда ей было семь лет. Тогда она нашла в корнях старого орешника раненого лесного зайца — его лапка была сломана, а глаза смотрели с таким доверием, что у Миры зацепало в горле. Она прошептала, прижимая к себе дрожащее тельце: «Я не дам тебя в обиду. Даже если весь лес забудет, я буду помнить». Она держала это слово все эти годы, не произнося его вслух, но чувствуя его каждый раз, когда видела что-то хрупкое и незащищённое.

И как только она вспомнила эти слова, дуб отозвался.

Сначала это было едва уловимо: лёгкий треск в глубине ствола, будто кто-то осторожно провёл пальцем по старой древесине. Потом по коре побежали тонкие линии света, похожие на вены, наполненные лунным сиянием. И наконец, голос — не громкий, не человеческий, а такой, будто сам лес заговорил через дуб: низкий, тягучий, сотканный из шорохов, скрипов и далёких эхов.

— Ты пришла с чистым словом, — пророкотал дуб, и от его голоса земля под ногами Миры слегка дрогнула. — Значит, ты достойна услышать язык, на котором говорит сам лес.

Он объяснил ей, что каждое слово, сказанное в Серебряном Лесу, не исчезает. Оно оседает в корнях, впитывается в кору, прячется в тенях. Слова становятся частью леса, как корни

становятся частью земли. И проклятие — это слово, сказанное в гневе много веков назад. Оно не было злым по своей природе, но гнев придал ему силу, которая исказила его смысл. Теперь оно жило в тенях, питаясь страхом и забытыми обещаниями, и ждало рассвета, чтобы стереть сказки, потому что сказки — это тоже слова, только бережно сохранённые.

Мира слушала, чувствуя, как по коже бегут мурашки не от холода, а от осознания: она не просто ищет способ снять проклятие, она учится слышать мир иначе. Каждое слово теперь казалось ей не просто звуком, а маленьким существом, которое можно ранить или исцелить.

Когда дуб закончил, он слегка наклонил одну из своих огромных ветвей, указывая вглубь леса, туда, где тени сгустились, словно чернила в воде.

— Иди туда, — пророкотал он. — Там, где тени шепчут громче всего, ты услышишь то, что нельзя повторять. Но услышать — значит принять.

Мира сделала несколько шагов вперёд, и тут тени вокруг неё зашевелились, складываясь в узоры, похожие на древние письмена. И из этого шевеления родилось слово — нет, даже не слово, а целая фраза, прозвучавшая так тихо, что, казалось, она родилась не снаружи, а внутри её собственного сердца:

«Пусть мир забудет то, что причиняет боль».

Фраза повисла в воздухе, мерцая, как ледяной узор на стекле, и тут же начала таять. Мира поняла: если она произнесёт её вслух, она станет частью проклятия, усилит его, потому что в этих словах был отказ от памяти, а Серебряный Лес жил именно памятью. Но если она сохранит их в себе, примет их боль и добавит к ним своё обещание — возможно, получится переплести их в новое слово, более сильное.

Она не повторила фразу. Вместо этого она прижала ладонь к груди, туда, где билось сердце, и прошептала про себя: «Я буду помнить даже то, что причиняет боль. Потому что без этого память неполная».

Тени на мгновение замерли, будто прислушиваясь, а потом мягко расступились, открывая тропу дальше. Дуб слегка кивнул ветвями — не как дерево, а как тот, кто понял и одобрил.

Луна поднялась выше, и её свет, теперь уже не такой нежный, а острый, как лезвие, разрезал сумрак на полосы. Мира пошла вперёд, чувствуя, как в её груди пульсирует не только страх, но и решимость. Она стала частью загадки, и теперь каждое её слово имело вес — такой же тяжёлый и древний, как корни старейшего дуба.

Глава 3. «Тропа, где эхо старше памяти»

Тропа, на которую ступила Мира, сразу стала другой — не просто узкой дорожкой среди деревьев, а чем-то живым, будто сама выбирала, куда вести. С каждым шагом воздух становился плотнее, словно она шла не сквозь лес, а сквозь время. Листья шелестели не о сегодняшнем дне, а о днях, которые ещё не наступили. И тени теперь не просто тянулись по земле — они двигались в ритме, который не совпадал с её шагами, будто жили в другом темпе.

Мира остановилась и посмотрела под ноги. На влажной земле отпечатались следы. Её собственные — свежие, с чёткими краями. Но рядом, чуть впереди, виднелись другие: такие же, но будто чуть размытые, как если бы их оставили не сейчас, а когда-то позже. Она наклонилась, провела пальцем по контуру — и на мгновение ей показалось, что след чуть потеплел от её прикосновения, будто признал её.

Она подняла голову и прислушалась. Из глубины леса доносился шёпот, но это был не обычный шёпот теней. В нём звучали слова, которых она ещё не произносила, и голоса, которые ей только предстояло услышать. Одно слово пронеслось особенно ясно: «Прости». Оно прозвучало не как просьба, а как эхо того момента, который ещё не случился, но уже оставил свой след в мире.

Тропа повела её вверх по склону, где деревья росли так тесно, что их ветви сплетались в плотную арку. Под этой аркой время будто сгущалось. Мира почувствовала, как её собственное дыхание замедляется, а сердце начинает биться в такт чему-то огромному и древнему. И тут из полумрака вышел человек.

Он был одет в плащ из тёмной ткани, которая, казалось, впитывала лунный свет, не отражая его. Его лицо было усталым, но спокойным, а глаза смотрели так, будто видели не только её, но и всё, что было вокруг и внутри неё.

— Мира, — тихо произнёс он, и в этом звуке не было ничего странного, будто её имя было самым естественным словом в этом месте.

Мира вздрогнула.

— Ты знаешь, кто я... А кто ты? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Путник слегка улыбнулся, но улыбка вышла грустной.

— Я знаю твоё имя, потому что оно теперь вплетено в тропу. А своё... я не помню. Оно стёрлось, как слово, сказанное в ветре. Я просто иду, пока не встречу того, кто поможет мне вспомнить.

Мира хотела спросить ещё что-то, но поняла, что здесь вопросы не всегда получают ответы — иногда они сами становятся частью пути.

Они пошли вместе, и с каждым шагом Мира всё отчётливее видела, как время вокруг них расслаивается. То ей чудилось, что впереди мелькает её собственная фигура — та, какой она станет через несколько часов, с усталыми глазами и решительным взглядом. То слышался голос, который она узнает позже: резкий, испуганный, полный боли. И каждый такой отголосок не пугал её, а заставлял сжимать кулаки и идти дальше.

Когда они подошли к арке из переплетённых ветвей, воздух стал почти неподвижным. Ветви были такими старыми, что кора на них потемнела до цвета ночи, а в трещинах мерцали крошечные искры, похожие на застывшие звёзды. Путник остановился и посмотрел на Миру.

— Здесь время замирает, — прошептал он. — Не навсегда, но достаточно, чтобы услышать то, что обычно проносится мимо.

Мира кивнула, хотя не до конца понимала, о чём речь. Они шагнули под арку — и мир действительно замер. Листья перестали шелестеть, ветер затих, даже собственное дыхание Мира на мгновение стало беззвучным. В этой тишине прозвучало самое важное.

Голос, который она слышала, был не снаружи. Он родился внутри, из самой сути того, что она узнала у дуба: проклятие — это слово, сказанное в гневе, и снять его нельзя, найдя какой-то предмет или прочитав заклинание. Его можно только исправить. А исправить слово — значит встретиться с тем, кто его произнёс, и дать ему возможность сказать что-то новое. Не отменить прошлое, а переплести его с будущим.

И тут путник снова посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на узнавание.

— Ты идёшь туда, где прошлое и будущее встречаются, — тихо сказал он. — И ты единственная, кто может сделать так, чтобы встреча эта не стала концом.

Мира глубоко вздохнула, чувствуя, как тишина наполняет её, словно холодная, но живая вода. Она вспомнила фразу, которую слышала в тенях: «Пусть мир забудет то, что причиняет боль». Теперь она поняла: забыть — это не спасение, а часть проклятия. Спасение — в том, чтобы помнить, но не позволить боли управлять словами.

— Я встречу с ним, — прошептала она, и её голос прозвучал твёрдо, будто уже был высечен в камне. — С тем, кто произнёс это слово. И я помогу ему сказать другое.

Арка из ветвей слегка качнулась, и время снова пришло в движение. Ветер вернулся, листья зашелестели, и даже тени теперь казались не пугающими, а почти дружелюбными, будто одобряли её решение.

Путник кивнул, будто услышал то, что должен был услышать, и сделал шаг в сторону, растворяясь в сумраке.

— Иди, — донёлся его голос из темноты. — Тропа знает путь.

Мира осталась одна под аркой, но одиночество не ощущалось как пустота. Оно было похоже на тишину перед песней — наполненное ожиданием и силой. Она посмотрела вперёд, туда, где тропа уходила в густой туман, и поняла: теперь она не просто ищет способ снять проклятие. Она идёт навстречу тому, кто когда-то произнёс роковое слово, чтобы вместе с ним создать слово новое — то, что удержит сказки в мире, даже когда рассвет коснётся листвы.

И она пошла вперёд, чувствуя, как каждый её шаг отзывается эхом в веках.

Глава 4. «Озеро, что помнит все имена»

Тропа вывела Миру к берегу, и она замерла, не решаясь ступить на гладкую гальку: перед ней лежало не обычное озеро, а зеркало, которое не хотело показывать настоящее. Вода была тёмной, почти чёрной, но не от грязи — от глубины, в которой тонули отражения. Лунный свет скользил по поверхности, но не оставлял на ней своего образа: он словно растворялся, впитываясь в память воды.

Мира присела на камень у самой кромки и осторожно опустила пальцы в воду. Та оказалась не холодной и не тёплой — она была *тихой*, будто сама тишина обрела форму и плотность. И стоило только коснуться, как по воде пошли не круги, а тонкие светящиеся линии, складываясь в буквы.

Сначала это были случайные знаки, похожие на обрывки забытых слов. Потом они начали собираться в имена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.